

На правах рукописи

ЛАГАЕВА Делгира Доржиевна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ»
В КАЛМЫЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

специальность 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы,
Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

18 ИЮН 2009

Элиста 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Калмыцкий государственный университет»

Научный руководитель   доктор филологических наук, профессор
Тамара Саранговна Есенова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Роза Пюрвеневна Харчевникова

доктор филологических наук, профессор
Любовь Георгиевна Фомиченко

Ведущая организация: Институт языкознания
Российской академии наук

Защита диссертации состоится « 23 » июня 2009 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.305.01 при Калмыцком государственном университете по адресу: 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Калмыцкого государственного университета (358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, 5 мкр., студгородок)

Автореферат разослан « 21 » мая 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

 Б.В. Бадмаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современная лингвистика характеризуется повышенным интересом к проблемам взаимосвязи языка, сознания и культуры. Особенно актуально исследование ментальных образов и их языковых воплощений в разных языках, поскольку контрастный материал позволяет обратить внимание на общее, специфическое и уникальное в этнокультурах, приближая нас к пониманию ментального образа мира. Данное диссертационное исследование выполнено в русле лингвокультурологических исследований взаимосвязи языка, сознания и культуры.

Объектом изучения является лингвокультурный концепт «счастье» в калмыцком и английском языках. В качестве предмета исследования рассматриваются содержательные характеристики концепта «счастье» на материале калмыцкого и английского языков.

Актуальность темы исследования определяется следующим:

- Лингвокультурное моделирование языка актуально для современной науки о языке, вместе с тем до сих пор остаются недостаточно изученными ключевые концепты культуры. На материале монгольских языков вопросы, связанные с выделением, классификацией, научным изучением лингвокультурных концептов, в рамках монографии или диссертации ранее не изучались.

- Счастье – фундаментальная категория человеческого бытия. В связи с этим требует специальных исследований концепт «счастье», относящийся к числу базовых концептов культуры. Набор компонентов этого ментального образования, их иерархия зависят от этнических предпочтений носителей конкретной лингвокультуры, поэтому необходимо лингвокультурологическое исследование данного концепта на материале разных языков, генетически не связанных, типологически не сходных.

- Со временем в содержании концепта происходят изменения, обусловленные особенностями общественно-политических, социально-экономических и культурных условий жизни этноса в определенный период времени, что повышает актуальность социолингвистического исследования реализации концепта в сознании современных носителей языка, в их картине мира.

- Будучи ключевым компонентом национальной культуры, базовый концепт «счастье» отражает важнейшие категории и установки жизненной философии калмыков и англичан, является значимым для понимания национального характера этих этносов другими народами. Вместе с тем до на-

стоящего времени специальные комплексные исследования лингвокультурного концепта «счастье» в калмыцком и английском языках не предпринимались. Опыт рассмотрения одного из базовых концептов в языковом сознании двух народов открывает новые перспективы исследований в русле современной антропологической парадигмы.

В основу настоящего диссертационного исследования положена следующая гипотеза: лингвокультурный концепт «счастье» представляет собой сложное ментальное образование, в составе которого в языковом сознании калмыков и англичан выделяются образные, понятийные и ценностные характеристики; данный концепт занимает ключевое место в концептосфере калмыцкого и английского языков, формируя аксиологические, образные и поведенческие составляющие менталитета носителей калмыцкого и английского языков.

В настоящей работе ставится цель комплексного исследования лингвокультурного концепта «счастье» в калмыцком и английском языках. В соответствии с поставленной целью и выдвинутой гипотезой в работе решаются следующие конкретные задачи:

- 1) определить и охарактеризовать ключевые средства объективации концепта «счастье» в калмыцком и английском языках;
- 2) изучить лексико-семантическое поле концепта «счастье» в калмыцком и английском языках;
- 3) исследовать понятийные, образные, аксиологические характеристики концепта «счастье» в калмыцком и английском языках;
- 4) описать национально-культурную специфику исследуемого концепта;
- 5) обозначить место данного концепта в концептосфере калмыцкого и английского языков.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые комплексно изучен базовый лингвокультурный концепт «счастье», определено содержание данного концепта и его место в концептосфере калмыцкого и английского языков, проанализированы его образные и аксиологические характеристики. Новизной отличаются выделение и описание национально-специфических характеристик данного концепта в калмыцком и английском языках.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии лингвоконцептологии: расширяя список изученных базовых концептов на материале калмыцкого и английского языков, работа создает перспективу для описания в дальнейшем концептосферы данных языков.

Практическая ценность данного исследования определяется тем, что языковой материал, положения и выводы диссертации могут использоваться в лекционных курсах и практических занятиях по общему языкознанию, лингвоконцептологии, лексикологии и теории межкультурной коммуникации, при разработке тематики дипломных и курсовых работ, а также в практике преподавания калмыцкого и английского языков. Результаты проведенного исследования и эмпирический материал могут послужить базой при разработке элективных курсов, спецсеминаров в вузовской системе преподавания калмыцкого и английского языков.

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из толковых, двуязычных, фразеологических словарей, электронных словарей и тезаурусов, словарей синонимов калмыцкого и английского языков, из сборников пословиц и поговорок, извлечения из произведений калмыцкой и английской художественной литературы, а также информация из энциклопедических справочников и сети Интернет. Они составили корпус языковых текстов, объективирующих концепт «счастье» в калмыцком и английском языках, из которого для лингвокультурологического анализа было отобрано более 3000 единиц, в том числе 1000 лексических единиц, более 1000 словарных иллюстраций, более 500 паремий, 500 текстовых фрагментов из художественных произведений.

В работе в качестве основного применяется лингвокультурологический метод, заключающийся в моделировании понятийной, образной и аксиологической составляющих концепта. Кроме того, используются приемы интерпретационного, контекстуального и компонентного анализа, элементы количественного анализа, а также социолингвистического исследования.

Методологической базой предпринятого исследования является концептуальное положение о диалектической взаимосвязи языка, сознания и культуры, их взаимной обусловленности.

Теоретической основой диссертации послужили положения, разработанные в рамках следующих научных направлений:

– аксиологической лингвистики и лингвоконцептологии (А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, Г.Ц. Пюрбеев, С.Г. Воркачев, Т.В. Евсюкова, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, С.Х. Ляпин, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин и др.);

– концепции «языковой картины мира» и «языкового сознания» (В. фон Гумбольдт, Б.А. Серебренников, Ю.Д. Апресян, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, С.Е. Никитин, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова и др.);

– когнитивной лингвистики (А.П. Бабушкин, Л.В. Балашова, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, А.А. Залевская, М.Л. Макаров, М. Минский, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лингвокультурный концепт «счастье» представляет собой сложное ментальное образование, в составе которого выделяются следующие компоненты: понятийные – благоденствие, здоровье, благополучие, потомство, труд, успех, деньги, спокойствие; образные составляющие образуются в результате метафоризации определенных значений (движение, имеющее определенное направление, цветовая составляющая); аксиологические связаны с положительной оценкой счастья как важнейшего компонента человеческой жизни, осознание которого происходит на фоне противоположного чувства – несчастья, мучений.

2. Ключевые средства объективации концепта «счастье» – это номинативная лексема «кишг» (калмыцкий язык) и «happiness» (английский язык). Базовость данных номинантов определяется: 1) включенностью их в состав ядерной лексики данных языков, 2) большим объемом лексико-семантического поля данных единиц, 3) их обширными сочетаемостными возможностями.

3. Концепт «счастье» принадлежит к числу базовых единиц концептосферы калмыцкого и английского языков и имеет сложную структуру, в которой выделяются ядро и периферия. В калмыцком языке ядерный элемент «благоденствие» задается основным значением номинативной лексемы «кишг» и является основой для всего концептуального содержания. В английском языке ядерный элемент «успех» также определяется основным значением номинанта концепта – лексемой «happiness». Все периферийные элементы концепта «счастье» в обоих языках задаются производными значениями и содержат прототипическое значение.

4. Основной аксиологической характеристикой концепта «счастье» является положительная оценка состояния счастья, которое антонимически связано с отрицательной оценкой состояния несчастья, мучений, страданий.

5. Концепт «счастье» передает специфику национально-культурного мировидения калмыков и англичан, отражает национальные характерологические черты данных народов как сложившихся этнических сообществ: спокойствие, гармония – калмыков, нацеленность на успех – англичан.

Основные положения и результаты диссертации апробированы на научных форумах разного уровня: международном конгрессе «Азия в Европе:

взаимодействие цивилизаций» (Элиста, 2005), международной конференции «Этнокультурная концептосфера: общее, универсальное, специфическое» (Элиста, 2006), Школе молодого автора (Москва, 2007), постоянно действующем семинаре «Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики» (Элиста, 2006, 2007, 2008). Промежуточные результаты работы обсуждались на заседаниях научно-методического семинара Калмыцкого государственного университета «Этнокультурная концептология» (2005–2008 гг.). По теме диссертационного исследования опубликованы 4 работы, в том числе в периодическом издании, включенном в перечень ВАК (Научная мысль Кавказа). Общий объем опубликованных работ – 1,4 п.л.

Структура диссертации подчинена ее цели, определена задачами и спецификой исследуемого материала. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цель, задачи, объект, предмет диссертационного исследования, материал и методы анализа, раскрывается научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Концепт «счастье» как предмет научного исследования» излагаются основные теоретические и методологические положения, которые были положены в основу исследования.

В разделе 1.1. «Соотношение языка, сознания и культуры в лингвокультурологическом аспекте» рассматривается взаимосвязь языка, сознания и культуры. Язык является средством концептуализации окружающей человека действительности, средством усвоения культуры, получения, хранения и передачи культурно-значимой информации, неотъемлемой частью культуры. Культура – это форма сознания, отображающая мировоззрение человека. Человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. Сознание же отвечает за выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации определенных коммуникативных целей.

В разделе 1.2. «Концепт как категория лингвокультуры» рассматриваются разные подходы к пониманию концептов, характеризуются когнитивный и лингвокультурологический подходы. При когнитивном подходе во главу угла ставится ментальная репрезентация человеком знания. При лингвокультурологическом подходе считается необходимым акцентировать внимание на вербальной стороне выражения концепта, являющегося своеобразным культурным геном, входящим в генотип культуры и определяющим ее феноменологическую поверхность. Концепты не только по-разному понимаются, но и представляют собой сущности с противоположными и несовместимыми признаками. Основоположники концептологических исследований С.А. Аскольдов и Д.С. Лихачев широко трактовали концепт, считая его замещением в индивидуальном сознании любого значения. В работах Т.В. Евсюковой, В.В. Колесова, М.В. Пименовой, Т.Н. Снитко, полагающих, что концепт – это культурно-значимые категории внутреннего мира человека, просматривается узкое понимание обсуждаемой категории. В трудах Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, Н.А. Красавского, Г.Г. Слышкина, Е.В. Бабаевой представлен лингвокультурологический подход к пониманию концепта. В рамках этого направления в концепте как в многомерном ментальном образовании выделяют образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты. С.Г. Воркачев так же пишет о целесообразности выделения в концепте трех составляющих: «понятийной, отражающей его признаковую и дефиниционную структуру, образной, фиксирующей когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостной, определяемой местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени» (Воркачев 2002: 6). Такой подход к пониманию концептов положен в основу настоящего диссертационного исследования.

В разделе 1.3. «Типология концептов» характеризуются параметрические и непараметрические ментальные образования. К первым относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, качество, количество и др. Ко вторым – концепты, имеющие предметное содержание. Параметрические ментальные образования имеют универсальную общечеловеческую природу, их ценностный компонент является не внутренне присущим им, а наведенным, их перцептивно-образный ком-

понент осознается как прототипическое уточнение, а в ряде случаев является вырожденным, но их понятийный компонент представляет собой разветвленное сложное знание о ненаблюдаемых вещах. В параметрических концептах нет внутренней оценки. Непараметрические концепты подразделяются на регулятивные и нерегулятивные. К первым относятся те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость» и др.). Ко вторым относятся синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «здоровье» и др.). Регулятивные концепты содержат нормы поведения, свойственные определенному социуму. Именно этот тип концептов прямо связан с доминантами культуры (Карасик 1996; Слышкин 1996; Прохвачева 2000; Палашевская 2001; Воркачев 2002; Зубкова 2003). Параметрические концепты связаны с доминантами культуры опосредованно (Крючкова 2003).

Регулятивные и нерегулятивные концепты далее распадаются на типы в зависимости от того, насколько широк круг языковых личностей, для которых эти концепты являются приоритетными ориентирами поведения. Выделяют универсальные (общечеловеческие), этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные концепты-регулятивы. Примером универсальных концептов-регулятивов является «истина», «добро», «красота», к этноспецифическим концептам относятся «душа», «судьба», «тоска» (Вежбицкая 1996). К социоспецифическим концептам относится «интеллигентность», индивидуальные чаще всего представлены в художественных и филологических текстах.

В разделе 1.4. «Методика исследования лингвокультурных концептов» характеризуются основные приемы исследования сложных ментальных образований: дефиниционный, интерпретационный, дистрибутивный, социолингвистические.

Во второй главе «Концепт «кишг/счастье» в калмыцком языке» рассматриваются понятийные, образные и ценностные характеристики концепта на материале калмыцкого языка.

В разделе 2.1. «Постановка проблемы» рассматриваются проблемы изучения лингвокультуры монгольских народов, анализируются работы основоположника монгольской лингвокультурологии Г.Ц. Пюрбеева и его последователей, определяются аспекты изучения лингвокультурных концептов калмыцкого языка.

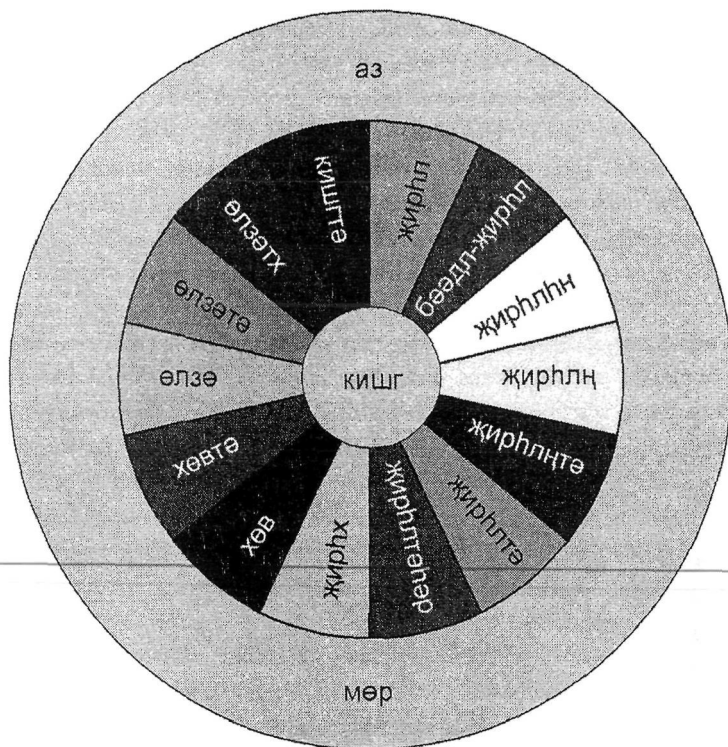
В разделе 2.2. «Материал и методика исследования» излагаются языко-

вые источники, положенные в основу лингвистического исследования, и определяются конкретные методы их изучения.

В разделе 2.3. «Лексико-семантическое поле концепта «кишг/счастье» в калмыцком языке» исследуются актуализаторы концепта в калмыцком языке, определяется номинант концепта «счастье» в калмыцком языке. Дефиниционный анализ позволяет заключить, что лексико-семантическое поле концепта «кишг/счастье» в калмыцком языке представлено разнообразными лексическими единицами: кишг, аз, жирһл, өлзэ, мөр, хөв и их дериватами. Изучение словарных дефиниций всех лексем, образующих концептосферу «кишг/счастье», позволяет считать, что в качестве имени концепта может выступать слово кишг: оно имеет несколько значений, среди которых первым является значение «счастье», на его базе образовано несколько дериватов и определенное число устойчивых образных оборотов, оно сочетается со словами из разных лексико-грамматических классов.

Слова-актуализаторы концепта «кишг/счастье» не совпадают полностью в объеме своего содержания, однако все они включают сему 'благополучие' и одним из значений является 'счастье'. Слово жирһл, помимо этого общего компонента, содержит сему 'блаженство', 'наслаждение'. Слово хөв, кроме семы 'благополучие', 'блаженство', включает сему 'удача', 'везение' (*хөвтэ күн 'удачливый', 'везучий', 'счастливый'*). У слова жирһл первым значением является значение 'жизнь'. У слова хөв вторым значением является 'судьба', 'участь'. Об актуальности рассматриваемого концепта для калмыцкой лингвокультуры свидетельствует не только разнообразие лексических средств его репрезентации, но и то, что все они, за исключением слов аз и мөр, образуют обширную словообразовательную подсистему. Кроме того, среди вербализаторов данного концепта выделяются архаические единицы (аз, мөр) и относительно новое средство – жирһл, возникшее путем расширения лексического значения. Все это можно рассматривать как свидетельство длительного процесса осмысления концепта «кишг/счастье» калмыцким языковым сознанием. Дефиниционный анализ всех актуализаторов концепта «кишг/счастье» в калмыцком языке позволил составить модель ментального поля «кишг/счастье», в котором выделяется ядро и периферия. Ядерная зона представлена базовыми вербализаторами концепта, каждый из которых имеет развернутую словообразовательную подсистему. В периферийную зону входят средства, ограниченные в употреблении, не имеющие дериватов, связанные с номинантом концепта семантически.

Диаграмма №1. Лексико-семантическое поле концепта «кишг/счастье»
в калмыцком языке.

В разделе 2.4. «Интерпретационное поле концепта «кишг/счастье» в калмыцком языке» изучаются образные характеристики рассматриваемого концепта. В традиционном представлении калмыков счастье многоплатно: оно отождествляется с благоденствием (*жирлнц орнд живхлн чигн бээдг* 'где блаженство, там бывает и величие'), здоровьем (*өвчн уга кишгтэ, өрн уга байн* 'не болеешь – счастлив, не имеешь долгов – богат'; *менд йовхла жирлн, медн йовхла эрдм* 'быть здоровым – счастье, стремление познать – наука'), трудом (*кишгтэ күн көдлмиш, кишвэ күн аля* 'трудолюбивый человек – счастливый, бездельник – несчастливый'), скотом (*мал – мана цуһарамидн кишг* 'скот – наше всеобщее счастье'), учением (*сурһульта күн кишгтэ* 'образованный человек – счастливый'; *жирлнцгин экн – сурһуль,*

залхуһин эхн – зовлң ‘учение – источник счастья, лень – источник мучений’). По представлениям калмыков, счастье не вечно, его испытывают только в жизни, счастья нет после смерти (укснэ хөөн жүрһл уга; үд кецахлә, өдр уга ‘после смерти нет счастья, после обеда нет дня’). Человек живет в ожидании счастья, в надежде на него (кишигэсн цөкрдго); счастье можно потерять (кишигэн геех); оно может прийти (кишигнь иржэнэ), уйти (кишигнь хэржэнэ), уменьшиться, увеличиться (кишигнь давжана), им можно наслаждаться (жүрһх; жүрһл эдлх – букв. счастье вкушать), оно может закончиться (кишигнь чилх); его разрушает пьянство (эркэс жүрһл уга), беспутство (аляд жүрһл уга), лень (залхуд жүрһл уга), буйство (агсmd жүрһл уга). В разных сферах видится калмыкам мужское и женское счастье: счастье мужчины – в пути, за порогом дома, в вольной свободной степи (эр күүнэ жүрһл эрвң цаһан көдэд ‘счастье мужчины – жизнь в безбрежной вольной степи’); счастье женщины – в доме (күүкд күн сун жүрһдг ‘женщина счастлива в доме’), умная женщина составляет счастье семьи (сэгхн гергн жүрһлин чимг, уха-та эк гер-булин кишиг ‘красивая женщина – украшение жизни, умная мать – счастье семьи’). Помимо семейного (гер-булин кишиг), счастье бывает индивидуальным (кергинь – чини, кишигинь – мини ‘счастье – мое, дело – твое’), которое, будучи заложенным в судьбе человека, хранится в особом месте, но несправедливое поведение может разрушить отведенное счастье (агсm мөрнд амр уга, аля күүнд жүрһл уга ‘у норовистой лошади нет спокойствия, у беспутного человека нет счастья’). Калмыки счастливы в коллективе (олна хормад багтх): оторвавшись от общества, калмык чувствует себя несчастным (үд өнгрхлә, өдр уга, олнас салхла, жүрһл уга ‘миновал полдень – уже нет дня, оторвался от масс – счастья нет’). Не обделен счастьем и сирота (өһчнэ кишигнь өвртнь ‘счастье сироты за пазухой’), у которого есть свой оберег, и замарашка (киртэ күн кишигтэ ‘замарашка тоже счастлив’). Путь к счастью сопряжен со страданием (зовлң уга жүрһл уга ‘без страдания нет счастья’), его зарабатывают долгим трудом (көлстэ жүрһл), но оно заканчивается скоро (нег өдрэ жүрһлд минһн өдр зүткх ‘чтобы быть счастливым хоть один день, прилагают усилие и старание тысячу дней’).

Этническая специфика осмысления счастья проявляется в отсутствии компонента «любовь/страсть», а также наличии буддийских элементов в его понимании. Так, калмыки говорят: келсн күүкнэ жүрһл күрд кевтэ эргдг ‘жизнь засватанной девушки крутится, словно молитвенный барабан’: засватанная девушка находится под защитой небесного покровителя, т.к. до свадьбы не принадлежит ни роду отца, ни роду жениха.

Жизненная мудрость фиксируется в пословице, содержащей буддийский компонент: *зовлң зун нэамн айста 'у страданий сто восемь мелодий'* (столько бусинок содержится в четках буддиста). Пословица *тэвсн хөв – тэвн хойра цаасн болв 'счастье оказалось равным пятидесяти двум листкам'* (столько листов в тексте молитвы «Алмазная сутра», хранящейся в каждой калмыцкой семье) также отражает буддийское представление о судьбе и счастье. Согласно ему, все, что заложено в судьбе, и отпущенное счастье в том числе, с одной стороны, расписано на листках молитвы, с другой – есть шанс исправить негативные последствия кармы предыдущей жизни, т.к. листов много – 52.

Калмыки, подчеркивая свойства счастья, использовали артефакты кочевого быта: *мөр өркөр ордг, үүдэр һардг 'счастье спускается через дымник юрты и уходит через ее дверь'*. Калмыки-скотоводы прибегали к метафорам, основанным не только на артефактах кочевой жизни, но и фаунонимах: *кишгтэ күүнд кеелтэ машгтэ 'у счастливого человека низкорослая жеребая кобыла'*, *кишгтэ күүнэ уһһн-даһһн эрк, кишг уга күүнэ көвүн-күүкн эрк 'у счастливого – жеребята ласковы, у несчастного – дети капризны и избалованы'*, *кулг ижлэсн зулх уга, күн кишгэсн цөкрх уга 'рысак не отобьется от табуна, человек не потеряет надежду на счастье'*. Особенности кочевой жизни калмыков отражает и пословица *хамр икд нусн ик, ханңн икд кишг ик 'у кого большой нос, у того много соплей, у кого длинный рукав, у того счастья много'*. Длинный рукав символизирует большое потомство (в рукав кочевники заворачивали детей) и хороший достаток (там же носили драгоценности).

В пословицах отражаются и рекомендации правильного поведения в кочевом обществе: запрещается обижать несчастных (*кишгтэг кирцэж болдг уга, заятаг заңһж болдг уга 'нельзя измерить, сколько счастья у счастливого, нельзя грозить тому, кто отмечен судьбой'*).

В разделе 2.5. «Аксиологическая составляющая концепта «кишг/счастье» анализируются результаты социолингвистического исследования, проведенного с целью определения представления о счастье в сознании современных калмыков. Анализ выразительных средств, вербализующих концепт «кишг/счастье» в калмыцком языке, позволил определить отношение калмыков к счастью, рекомендации правильного поведения, ценностные установки народа. В калмыцкой паремии провозглашается ценность труда (*кишгтэ күн көдлмич, кишвэ күн аля 'трудолюбивый человек – счастливый, бездельник – несчастливый'*), здоровья (*өвчн уга кишгтэ, өрн уга байн 'не болеешь – счастлив, не имеешь долгов – богат'*), знаний (*орчлң нарар гегэрдг,*

кун эрдм-медрлэр гегэрдэг 'вселенная освещается солнцем, а человек – знанием'), коллектива (удин хөөн өдр уга, олнас салхла, жүсирһл уга 'после полудня нет дня, оторвался от масс – счастья нет'), потомства (хормаһарн дүүрһ күүкдта, хашаһарн дүүрһ малта 'детей полон подол, скота полный загон'). Морально-этические нормы поведения членов кочевого общества провозглашали добродетелью такие качества человека, как спокойствие (төвшүүн), неконфликтность (ни-негн), трезвость (эрул), почитание (кундлһн) старших и женщин; запрещали обижать несчастных, обездоленных (заятаг заңһж болдг уга 'нельзя грозить тому, кто отмечен судьбой'). Все это создает счастье калмыка, формирует облик счастливого человека.

Изучение ответов респондентов позволяет заключить, что у современных калмыков есть ясное представление о счастье, а возраст, тип воспитания, специальность влияют на иерархию составляющих счастья. Так, для молодежи любовь, работа, карьера обладают самой большой ценностью, в то время как у калмыков среднего возраста такой ценностью наделяется здоровье, достаток.

У современных калмычек шире представление о счастье, которое включает, наряду с традиционными компонентами (семья, дети, здоровье, достаток), любовь, взаимопонимание, продвижение по службе. Они не думают, что счастье придет само и предначертано судьбой, но и не считают, что за него надо бороться. В этом просматривается традиционное, свойственное калмыкам отношение к счастью: некая пассивность, умозрительность по отношению к счастью. У молодежи фиксируется тенденция к «ослаблению» этнического компонента в содержании концепта «кишг/счастье». Это обнаруживается в том, что не все из числа калмыцкой молодежи связывают счастливую жизнь с проживанием на родине, в кругу родственников, в окружении родной природы. Проявляется следующая тенденция: чем моложе респондент, тем уверенней, оптимистичней ответ, чем старше информант, тем чаще говорится о том, что мешает чувствовать себя счастливым. Отмечено, что в сознании современных молодых калмыков преобладает социальный фактор над этническим, «ослабляется» этнический компонент в содержании концепта «кишг/счастье», что можно рассматривать как один из показателей трансформации этнического менталитета.

В разделе 2.6. «Фразеологический фонд концепта «счастье» в зеркале базовых архетипов» на основе исследования архетипов «персона», «тьень», «мудрец», «самость» определено общее и специфическое в осмыслении счастья носителями калмыцкого и английского языков. Счастье в представле-

нии и калмыков, и англичан заложено в судьбе человека: есть счастливые и есть несчастливые. Счастьем, которое находится в руках самого человека, не обделен ни замарашка, ни сирота (калмыцкая лингвокультура), ни дурачок, счастье которого призрачно, фантастично, нереально (английская лингвокультура). При сравнении фразеологических единиц двух языков в зеркале архетипов обнаруживается внутренняя амбивалентность концепта «счастье» в рассматриваемых лингвокультурах. С одной стороны, счастье заложено в судьбе человека, оно может сопровождать его от рождения, а с другой – человек может не иметь его вообще. Счастье зависит от самого человека: он сам является архитектором своего счастья (английская лингвокультура), может сам ощущать себя таковым (калмыцкая лингвокультура). Счастье благосклонно к тому, кто умеет им воспользоваться.

Среди составляющих «английского счастья» можно назвать богатство, успех, общественную значимость личности, здоровье, домашний уют, любовь. Большое значение имеет внешнее проявление счастья: внешний вид счастливого, его общественное и материальное положение. В этом заключается отличие в понимании счастья англичанами от понимания калмыками, которое в основном сводится к гармонии с собой и окружающими, душевному равновесию, спокойствию – чувствам, – формирование которых происходило, безусловно, под влиянием буддийского мировосприятия. «Английское счастье» конкретно, материализовано: соотносится с определенным событием (рождение ребенка, обеденный перерыв, скидки, Рождество, день рождения). Счастливый человек персонифицируется вполне определенно: король, родители новорожденного, дурачок и др. «Английское счастье» ассоциируется со сладким и пивом (*have one's cake baked* – букв. *есть румяный пирог*, ≈ *'иметь средства, состояние, жить в достатке'*; *cakes and ale* – букв. *пирог и пиво*, ≈ *'беззаботная жизнь'*; *like a kid in a candy store*; *like a child in a sweet shop* – букв. *словно ребенок в кондитерской*, ≈ *'оказаться в самой благоприятной обстановке, ни в чем себе не отказывать'*), калмыцкое – с потомством, скотом (*хормахарн дүүрң күүкдтэ бол*, *хашахарн дүүрң малта бол* 'пусть детей будет полон подол, пусть скота будет полный загон' – частотное формульное благопожелание-призыв счастья).

Калмыцкий материал дает довольно противоречивую картину. С одной стороны, счастье заложено в судьбе человека, следовательно, человек не может «управлять» судьбой, добиваться счастья, менять предначертанный судьбой ход жизненных событий. С другой стороны, в коллективном бессознательном калмыков содержатся четкие представления о том, что при-

носит счастье: труд, учение, настойчивость в достижении цели, рациональное использование времени и др.

Концепт «счастье» в поговорках и художественных текстах литературы содержит национальную специфику осмысления образа. В образной системе калмыцкой фольклорной и художественной литературы счастье предстает в ментальном облике субъекта, наделенного способностью передвигаться (*нарх* 'выходить', *орх* 'входить', *ирх* 'приходить'), предаваться, надеяться (*жиррх* 'испытывать блаженство, быть счастливым', *эдлх* 'вкусать счастье') и т.п. Цветовая характеристика «калмыцкого счастья» – *цаһан* 'белая', несчастья – *хар* 'черная'. В языковом сознании англичан счастье имеет женский облик, индивидуальные признаки которого могут меняться: от прекрасной, ласковой девушки, ниспосылающей благодать человеческому существу, до старой, беззубой старухи. Этот образ, как и калмыки, англичане наделяют человеческими способностями улыбаться, хотеть, передвигаться, летать, покидать, посещать субъекты. Другой человеческой характеристикой этого образа является каприз: счастье посещает и покидает субъект по своей прихоти, человек неволен повлиять на него.

В третьей главе «Лингвокультурный концепт «happiness/счастье» в английском языке» рассматриваются понятийные, образные и ценностные характеристики концепта «счастье» на материале английского языка.

В разделе 3.1. «Этимологические характеристики концепта «happiness/счастье»» анализируются данные этимологических словарей. Они позволяют заключить, что этимологически номинант концепта «счастье» существительное happiness восходит к существительному hap 'случай', 'удача', которое, по данным «Cassell's concise English dictionary» и «A concise etymological dictionary of the English language», имеет скандинавское происхождение. В толковании дальнейшего бытования данной лексики в английском языке рассмотренные словари в целом единодушны: прилагательное happy 'счастливый' и существительное happiness 'счастье' образовались суффиксальным способом в среднеанглийский период. На важность концепта для сознания англичан указывают дериваты: happen, happy, haply, happily; hapazard, hapless, unhappy, perhaps, mishap, happily, happiness. Дериваты, имеющие в структуре своего значения общую сему 'случай', 'удача', приобретали производные значения на основе метонимии. При этом среди значений имеются ограниченные в употреблении как стилистически, так и с точки зрения исторической перспективы.

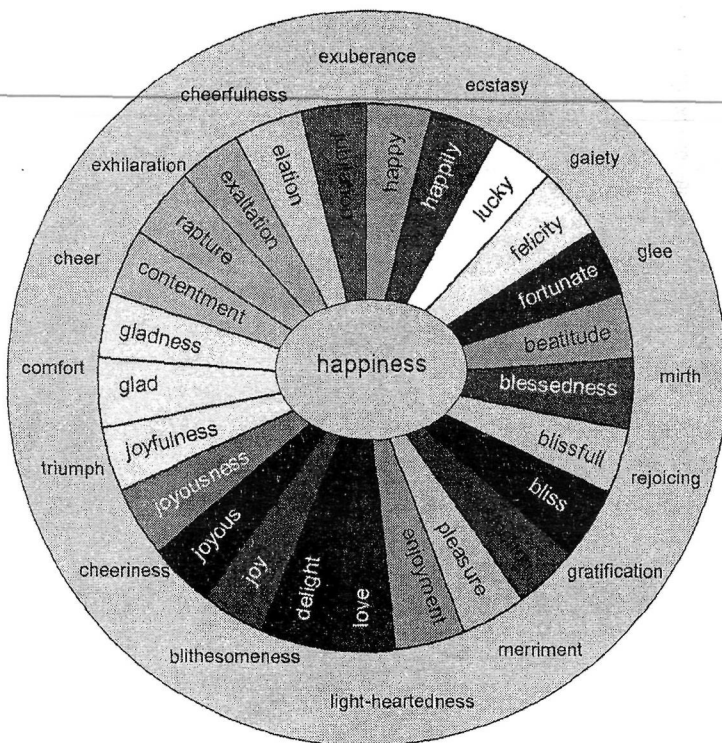
Этимологическое описание, отталкивающее к социокультурным предпосылкам формирования ценностного отношения к счастью, установило,

что «английское счастье» представляет человека неагентивным по отношению к собственной судьбе. Английское «happiness» характеризуется пассивностью и отстраненностью, что прослеживается в этимологии номинанта концепта лексеме *hap* и актуализатора *luck*.

В разделе 3.2. «Лексико-семантические средства объективации концепта «happiness/счастье» в английском языке» на основе существующих лексикографических источников изучаются лексические средства вербализации концепта «happiness/счастье» в английском языке. Дефиниционный анализ позволил установить, что концептосфера «happiness/счастье» довольно обширна: в ней выделяются ядро и периферия. Ядерная зона представлена базовыми актуализаторами концепта, образующими развернутую словообразовательную подсистему. В периферийную зону входят разнообразные средства, связанные с номинантом концепта метафорически и синонимически.

Диаграмма №2. Лексико-семантическое поле «happiness/счастье» в английском языке

Среди актуализаторов данного концепта можно выделить как исконно английские единицы, так и заимствованные (*fortune*), что свидетельствует о длительном осмыслении концепта. Синонимичные средства, используемые в английском языке для обозначения данного ментального образования в разных ситуациях, типах и видах речи, архаические единицы, средства, имеющие экспрессивную окраску, свидетельствуют об активном процессе осмысления концепта, его чрезвычайно высокой актуальности для носителей английского языка.

В разделе 3.3. «Интерпретационное поле концепта «happiness/счастье» в английском языке» на основе изучения собранного банка выразительных средств моделируется образ того ментального объединения, которое соответствует «английскому счастью». Фразеологические средства актуализации исследуемого концепта отражают морально-нравственные нормы и поведенческие ориентиры английского этноса и играют важную роль в выявлении национально-культурной специфики языкового выражения этого фрагмента картины мира. В основу метафоризации положены народные представления о счастье и ассоциации различных жизненных ситуаций с судьбой человека. Прослеживается очевидная связь счастья с судьбой: английский счастливчик рождается под счастливой звездой, в рубашке, с серебряной ложкой во рту. Очевидна гендерная однозначность «английского счастья»: покровительница счастья имеет женский облик. С олицетворением счастья, судьбы с женским образом связаны антропоморфные признаки «английского счастья», которые передаются глаголами: *favour* ‘быть благосклонным’, *find* ‘находить’, *keep* ‘держат, хранить’, *seek* ‘искать, добиваться’, *make* ‘делать, выполнять, совершать’, а также с тем, что есть дитя, любимец, баловень (*child, darling*) счастья/судьбы.

Древние англичане, как и многие народы, верили, что расположение небесных светил влияет на судьбу человека, а особенные, счастливые люди рождаются под счастливой звездой (*be born under a lucky star*), за что они должны благодарить свою счастливую звезду, судьбу, благословлять ее (*bless, thank one's stars, thank one's lucky stars*). Во фразеологизмах концептосферы «счастье» присутствуют лексемы *cloud* ‘облака’ (*on cloud nine* ‘на седьмом небе (от счастья)’, *moon* ‘луна’, *sun* ‘солнце’, *star(s)* ‘звезда(ы)’. Англичане считают, что рай существует на земле (*heaven on earth*). Счастливого человека они сравнивают с попавшим на седьмое небо (*in the seventh heaven, over the moon*), где он испытывает высшее блаженство, или с находящимся на верху блаженства (*be or sit on top of the world*).

По поверью англичан, удача о себе может возвестить ударом колокола (*stroke of luck*). У англичанина может быть целая полоса удач, счастья, успеха (*a run of luck*). Кому-то может достаться хорошая судьба, удача, хороший «кусочек» (*good luck*), а кому-то может достаться лишь «кусочек» (*piece of luck*) счастья, удачи, что зависит от уготованной каждому судьбы, как образно говорят англичане, госпожи удачи, *the smile of fortune* – улыбки фортуны.

Согласно народному миропониманию, каждый является архитектором своего счастья (*the architect of one's own fortunes*), может попытаться получить свою долю счастья (*try one's fortune (one's luck)*; каждому хоть раз постучится счастье в дверь (*fortune knocks once at least at every man's gate*). Однако трудно найти счастье и легко его потерять (*fortune is easily found, but hard to be kept*). Англичане считают, что счастье улыбается тому, кто умеет им хорошо воспользоваться (*fortune is good to him who knows to make good use of her*). Народное сознание утверждает, что и у дураков есть счастье (*fools have fortune*). Однако их счастье призрачно, нереально, фантастично (*fool's paradise*), что, вероятно, отражает многовековые народные наблюдения.

Счастья англичане, как и другие народы, жаждут, его желают всем, (*wish smb. joy, joy go with you 'пусть радость будет вашим спутником'*), считая, что этого желает бог (*God give you joy 'Бог дарит вам радость'*). Согласно их жизненной философии, можно получить удовольствие, счастье от чего-нибудь (*find enjoyment in*), а разделенная радость приятна вдвойне (*joys shared with others are more enjoyed*). Счастье бывает неожиданным (*luck in a bag*), оно может привалить (*play (in or to) big luck*), счастливым бывает и нищий (*lucky bargee, beggar, devil, dog, rascal*). Англичанин может быть удачливым (*be in luck*), ему может везти (*good luck*), он может быть несчастливым в любви, но счастливым в игре (*unlucky in love, lucky at play*), он может полагаться на удачу, свое счастье (*ride one's luck*), ему может не повезти, тогда англичане скажут: «*Just my luck!*». Есть у англичан примета, возникшая благодаря классику английской литературы В. Шекспиру, согласно которой *there is luck in odd numbers* – нечётные числа приносят удачу.

«Английское счастье» ассоциируется с богатством: *make a fortune* 'составить состояние, разбогатеть'; *he dances well to whom fortune pipes* 'кому счастье служит, тот ни о чём не тужит'; *high living* 'жизнь на широкую ногу'; *swim in luxury* 'утопать в роскоши'; *be flush of money, be made of*

money, have money to burn или wallow in money; stink of or with money roll in money (in riches) 'загрэбать деньги лопатой, купаться в золоте; денег куры не клюют'; laugh all the way to the bank, cry all the way to the bank 'загрэбать, зашибать большие деньги с лёгкостью, шутя'. Однако, согласно распространенному в Англии суеверию, счастье приносит и погнутый шестипенсовик (crooked sixpence), а влиятельный друг дороже денег (a friend in court is better than a penny in purse).

Счастье англичанина ассоциируется со здоровьем: (as) fresh as a daisy 'свеж как ромашка, маргаритка', be (look) red (rosy) about the (as a rose or as a paint) 'как роза, картинка'; be in health (in good health) 'быть здоровым'; good health is above wealth (health is better than wealth) 'лучше быть здоровым, чем богатым'. Оно приходит к смелым (fortune favours the bold (or the brave) 'смелому всегда удача').

«Английское счастье» (любовь) заключено в детях (he knows not what love is that has no children 'у кого нет детей не знает, что такое любовь'), оно порождает ответное чувство (love is the mother of love, love is the reward of love, love should not be all on one side 'любовь должна быть взаимной'). Амбивалентность отношения англичан к любви прослеживается в выражениях: love affair 'любовная интрига, любовное похождение', Lovelace (первоначально имя собственное, ставшее нарицательным 'ловелас, волокита', по имени героя романа Ричардсона «Кларисса Харлоу»). Трудюлюбивые англичане утверждают: early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise 'кто рано ложится и рано встает, здоровье, богатство и ум наживет'; the early bird catches the worm (it's the early bird that catches the worm) 'кто рано встает, того удача ждет'.

Активный, деятельный характер англичан проявляется и в том, что они связывают свое счастье с карьерой (climb up the ladder 'подниматься, карбкаться по служебной лестнице'; the right man in the right place 'нужный человек в нужном месте'; make one's mark; carve out a career for oneself 'делать карьеру'); ценят тех, кто имеет прекрасные перспективы (have a great future); добивается своей цели (bring one's mind to pass, fulfill, have or obtain one's mind). Народное сознание одобряет тех, кто, приложив силы, достиг вершины славы, у которых весь мир у ног (have the world at one's feet 'иметь блестящий успех, покорить весь мир, завоевать всеобщее признание'; at the zenith of one's fame (powers) 'в зените славы (в расцвете сил)'. Следовательно, не только тихое семейное счастье, но и общественное признание входит в ряд ценностей английского этноса.

Большое место англичане отводят внешнему виду: *(as) merry as a cricket* букв. 'весел как сверчок', *as a marriage-bell* 'как свадебный колокольчик', *as a maids* 'как молодая девушка', *be all smiles* 'расплывшийся в улыбке', *bright-eyed and bushy-tailed* – букв. глаза сверкают и хвост веером ≈ 'полный энергии, бодрый, жизнерадостный'; *sunny side up* 'бодрый, жизнерадостный'. Чрезвычайно высоко ценят англичане, для которых «мой дом – моя крепость», и душевное спокойствие (*peace of mind, an easy mind*), мир и спокойствие (*peace and quiet (quietness)*).

Сладости отождествляют собой «английское счастье». Обетованная страна счастья ассоциируется с землей, изобилующей молоком и медом (*the land flowing with milk and honey*); вишней (*life is a bowl of cherries* 'жизнь как полная чаша с вишней'), жизнью лорда, принца (*like a lord or like a prince*). Однако жизненный опыт англичан подсказывает: *he knows best what good is that has endured evil* 'не испытал несчастья, не узнать счастья'.

Есть у англичан символы счастья (*mark with a white stone* 'отмеченный белым камнем'), есть счастливое, золотое время, период (*red-letter day, golden hours, golden time, have the time of one's life, a happy medium*), счастливое место (*easy street*), которое может концентрироваться в определенной части тела (*a corner in somebody's heart* 'уголок сердца'). Анализ показал, что национально-региональный компонент в осмыслении анализируемого концепта проявляется в том, что в образных средствах отражается жизненная философия английского этноса, его понимание жизненных смыслов, приоритетов важнейших ценностей, присутствуют артефакты английского быта. Дидактическое значение английских паремий, в отличие от калмыцких, заключается в том, что подчеркивается роль самой личности в достижении счастья.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы.

Соискатель имеет 4 опубликованные работы, все по теме диссертации. Одна публикация выполнена в соавторстве.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, входящем в список ВАК РФ

1. Лагаева, Д.Д. Лингвокультурологический аспект взаимосвязи языка, сознания и культуры / Д.Д. Лагаева // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. Ростов-на-Дону, 2006. №5. С. 92-95 (0,4 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

2. Лагаева, Д.Д. Лексико-семантическое поле концепта «счастье» в калмыцком и английском языках / Д.Д. Лагаева // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. – Вып. 1. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – С. 84-86 (0,3 п.л.).

3. Лагаева, Д.Д., Бадмаева, Т.И. Концепт «счастье» в калмыцкой и английской лингвокультурах / Д.Д. Лагаева, Т.И. Бадмаева // «Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики»: Материалы постоянно действующего семинара. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. – С. 106–108 (0,3 п.л.).

4. Лагаева, Д.Д. Фразеологический фонд концепта «счастье» в зеркале базовых архетипов (на материале калмыцкого и английского языков) / Д.Д. Лагаева // Этнокультурная концептология: общее, специфичное, уникальное: сб. науч. тр. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – С. 69-74 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 15.05.2009 г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 1,39.
Тираж 100 экз. Заказ 1291.

Издательство Калмыцкого государственного университета.
358000, Элиста, ул. Пушкина, 11.